

Веч. Москва. — 1992. — 16 нояб. — С. 6.

Продолжатели фамилии

Евгений Чуковский, внук Корнея Ивановича Чуковского, — кинооператор. В последнее время его сюжеты идут по телевидению в российской программе «Вести». Давно хотела встретиться с ним, подробнее расспросить о Корнее Ивановиче, с которым мне посчастливилось в свое время встречаться. Повод представился — прослышала, что Евгений Борисович, как и его знаменитый дед, носит калоши. В век кроссовок вдруг — калоши...

Евгений ЧУКОВСКИЙ:

БЕЗДЕЛЬНИКОВ ДЕД ПРОСТО ПРЕЗИРАЛ

И ВОТ пытаюсь выяснить, почему именно калоши. Оказывается, это удобно и практично, и Пушкин тоже ходил в калошах. Аргумент убедителен, да и факт налицо — макасины на Чуковском в этот слякотный день выглядят так, словно еще пребывают на витрине. ...Его сказки знают все, но не всем, наверное, известно, что писатель К. И. Чуковский — доктор филологических наук, почетный доктор литературы Оксфордского университета (кстати, этого звания были удостоены Тургенев и Ахматова), талантливый переводчик, критик, автор исследований о Некрасове. И совсем неожиданно — занимательная и веселая книга «От двух до пяти» — глубокая научная работа с детской психологии и речи, известная во всем мире.

— А каким был дедушка у Жени Чуковского?

— Нас было пять внуков, среди них и я. Корнея Ивановича в семье все называли Дедом. Мой отец, уходя на фронт, просил Деда, если что случится, позаботиться о сыне. Случилось — отец погиб, а Корней Иванович позаботился — воспитал меня.

Отец был инженер - гидротехник. Работал вольнонаемным на строительстве канала Москва — Волга, сейчас это канал имени Москвы. На фронт ушел добровольцем и погиб в первый год под Смоленском. А где его могила — неизвестно.

В ту пору, что я застал, Дед очень любил детей. Но не помню, чтобы он гладил по голове или сюсюкал. Общая обстановка доброжелательности была такая, что этого и не нужно было. Но когда он говорил «Молодец!», я знал, что это высшая похвала.

Я глубоко убежден, что каждый нормальный ребенок растет с желанием «я — сам». Сейчас дети ничего не делают — ходят в школу, готовят уроки, на этом их обязанности кончаются. Привыкают, что кто-то другой починит велосипед, сходит за булкой. В результате вырастает бездельник и к тому же эгоист. В нашей семье было по-другому, каждый имел обязанности. Кстати, после войны в Переделкине было пропасть земляники, мы собирали ее и знали, что первая кружка — Де-

ду, вторая — бабушке, а третья — уже себе. Корней Иванович бездельник не то, что не любил, — презирал. Он ни разу не отдыхал в том понимании — лежать днями на пляже. Обычно, закончив большую работу, еще усталый, через несколько дней садился за стол, писал. Иначе, говорил: «Скучно».

Сам умел многое. В молодости был маляром. По его словам, эта работа способствовала изучению английского: крася крышу, он выводил на ней разноцветной краской слова — так быстрее они запоминались, а потом закрывал все общим тоном. Когда ему было за восемьдесят, пришел маляр. Дед взбунтовался: это же тяп-ляп! Влез на крышу и продемонстрировал, как должно красить. Те вылупили глаза — его квалификация оказалась намного выше. И меня, и соседских ребят учил этому ремеслу. Устраивал конкурсы. Тому, кто лучше выкрасит скамейку и при этом меньше всех измажется, давал грушу. А как здорово он умел грести! Соберет ребят — и на пруд. Сядет в лодку, показывает, как надо держать весла, чтобы, потратив меньше сил, получить больший эффект.

Чуть задумавшись, Евгений Борисович продолжает:

— Мне четыре года. Дед учит грамоте по своей методе — пока-

зывает одну букву, затем другую.

До «я» дело еще не дошло, а она мне понадобилась. Пришлось срочно изобрести, чтобы написать «ея пошел гулеать». Дед хохотал... В школе я был плохим учеником. Корней Иванович считал, что дело не в том, кто учится, а кто учит. Разбор предложений, нудный на школьных уроках, Дед превращал в увлекатель-

ную игру. Но учить английский заставлял.

«Слушай, я за тобой наблюдаю, ты ничего не делаешь», — журил он. — «Так каникулы», — отнекивался я. — «Вот тебе словарь, выучишь отсюда досюда, как «Отче наш». Понял?». Как я благодарен ему за это. Сегодня кое-что могу читать в подлиннике. А когда меня занесло в

Америку, проблем с языком тоже не было, и я, в который раз, вспоминал Деда.

Корней Иванович считал литературную деятельность самой лучшей специальностью. Зная мою цепкую память, заставлял учить все тот же английский, каждый раз просил помочь в работе над переводом или корректурой. Впоследствии, когда я подал заявление во ВГИК, очень огорчился.

А до того времени моя голова была занята моторами, фотографией. Когда начал учиться водить машину, Дед отнесся к этому положительно, хотя обычно говорил, что знать не знает, почему эта «штука» движется без помощи лошади. Но ездил с удовольствием и только сзади, объясняя, что сидеть впереди

— то же, что восседать с кучером на козлах.

— Корней Иванович был в курсе вашего чтения?

— Это не то слово. Обычно, придя домой, я видел на тумбочке книгу. Кто ее положил, было ясно, и это было равносильно приказу. Дед подсовывал книги, которые считал обязательными, и я читал,

хотя и не все нравилось. Он любил Диккенса, а мне было незинтересно. Но прошло время, Диккенс и Достоевский стали необходимы.

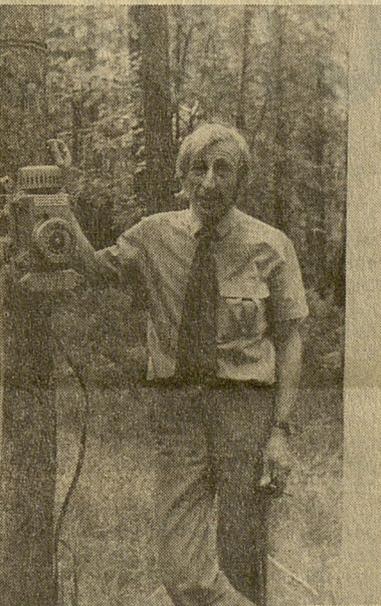
Как-то прихожу, на тумбочке лежит «Сорок первый». Ну, думаю, про войну. Открыл, и первые строки захватили: «Всего вырвалось из смертного круга в бархатной котловине малиновый Евсюков, двадцать три и Марютка».

— Вы недавно перечитали Лавренева?

— Нет, давно, когда книга лежала на тумбочке, — ровно сорок лет назад.

— Информация из недостоверных источников: Евгений Чуковский знает «Онегина» от строки до строки. Опровержение будет?

— Нет. В свое время решил выучить, сел и выучил. Что правда, то правда. А вот у Деда, у него была память бешеная. В больнице, когда был совсем уже плох, ему читали рукопись, а он правил по памяти. Любые стихи, если нравились, запоминал с первого раза.

Читаю ему на ночь, пропускаю по какой-то случайности фразу или начинаю читать не с того абзаца, он

тут же перебивает: «Постой, постой, там должно быть не так». Это он произносит, засыпая, совсем сонным голосом.

Уже в годах, укладываясь в постель, для собственного удовольствия торжественно цитировал Державина:

Едва увидел я сей свет,
Как надо мной уж смерть

трепещет.
Как молнией, косою блещет.
И дни мои, как злax,

сечет.

— Какие черты были наиболее характерны Корнею Ивановичу?

— Доброта. И пунктуальность, когда дело касалось обязательств, взятых на себя. Например, сдать книгу к такому-то сроку. Все было готово не только день в день, но и к определенному часу. С другой стороны, был человеком непрограммированным. Когда ему Оксфорд присудил звание доктора литературы и он ездил в Лондон (кстати, погода была плохая и Дед ходил в калошах), англичане, его сопровождавшие, терялись, их бил колотун. В самый последний момент почетный гость менял маршрут или вовсе решал никуда не ехать. Был вспыльчив, но отходчив. А самое страшное его ругательство — «бездарность!». Корней Иванович не был пряничным старичком. Мог учинить бездельнику разнос и искренне огорчаться, когда у одаренного человека что-то не ладилось.

Прощаясь, Евгений Борисович в дверях спрашивает: «А вы знаете, почему потерялась Каштанка? Потому что «раньше какой-то негодяй прошел в резиновых калошах...». И добавляет: в 1862 году, когда было отменено крепостное право, американцы построили в Петербурге фабрику резиновых калош. Она называлась «Треугольник», после революции стала «Красным треугольником». Во времена Чехова все ходили в калошах, и они никак не могли «пройти» мимо писателя. Уже в лифте Евгений Борисович ставит «точку»:

— И Пушкин носил калоши, но кожаные.

Майя ОКУШКО.

НА СНИМКАХ:

● Корней Иванович (фото М. Окунько);

● Борис Корнеевич на строительстве канала Москва — Волга (1937 г.) — единственный сохранившийся в семье снимок Б. К. Чуковского;

● Евгений Борисович установил телефон на даче в лесу, как в сказке своего деда. Аппарат превосходно работает...